

— Я вскрыл целую тысячу трупов, и ни в одном из них не обнаружил никаких признаков души, — заявил профессор Мечников. В ответ, несомненно, раздались аплодисменты.

Дело происходило на заре XX века. Новый бог был дан людям. Имя ему Наука. Возражать жрецу Науки было все равно, что признаться... — но никто не признавался! Младенца не нашлось, который задал бы прославленному ученому самый естественный вопрос — что́ это он вздумал отыскивать душу в предмете, который, собственно, и характеризуется отсутствием души? Сказано, что нет души — значит нету! А раз нету, то и не было никогда.

А что же тогда было и есть? — Труп. Просто сначала этот труп живой, а затем — мертвый.

В повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» выдающийся ученый Ф. Ф. Преображенский в процессе эксперимента неожиданно для себя решает небывалую задачу — создает на основе мертвого трупа новую человеческую единицу. Труп, таким образом, выступает в качестве по-

дателя жизни. Что это — литературная фантазия? Ничуть! Недаром же научно обосновано и в школьные учебники записано — живое происходит из неживого, органическое из неорганического. Оспаривать эту истину — все равно что отрицать последовательность элементов гениальной таблицы Менделеева. Это занятие, достойное не просто обскурантов и невежд, а форменных животных. И одно такое животное, пес Шарик, герой вышеупомянутой повести Булгакова, позволило себе взобраться на стол своего высокоученого хозяина — и так засветило по портрету профессора Мечникова, что только осколки посыпались. Рискованно, что ни говори. И не только со стороны пса, но и со стороны автора повести.

Михаил Булгаков приобрел свою первую известность романом «Белая гвардия». Роман этот, напечатанный ничтожно малым тиражом, понравился многим. Немногих же — например, провидца Максимилиана Волошина — он ошеломил. Это было предвосхищение того ошеломляющего впечатления, которое произвело на Россию, а затем и на весь мир, главное творение Булгакова — «Мастер и Маргарита».

В чем же крылась причина этого изумления? Что, собственно говоря, произошло? — А произошло то, что один человек, М. А. Булгаков, вновь обрел то видение мира, которое большинством людей было вовсе утрачено.

Что же увидел Булгаков? *Небо отверстым и ангелов, нисходящих к сынам человеческим.* И не просто увидел, а сумел поведать об этом всем и каждому, запечатлев увиденное в самой доступной, в самой любимой к тому времени художественной форме — в романе.

Европейцы XIX века любили роман такой любовью, что лучше ее ни с чем не сравнивать — пусть она останется несравненной. В основе этой любви лежала величайшая потребность человеческой души — любить ближнего, как самого себя. В лице романских героев читатель обретал именно таких ближних, а любовь к ним была еще тем хороша, что осуществлялась без малейших моральных и материальных затрат. Стремление окружить себя всяческим комфортом, и прежде всего, моральным, — главная черта, отличающая образованного европейца от варваров всех мастей.

Но и эта любовь пришла к концу — в науке он зовется «кризисом романа». Ибо нет ничего вечного под тем небом и на той земле, где живут герои добулгаковского романа, где стирает свое белье «Прачка» Шардена. Посмотрите на нее, уже который век занятую своим бесхитростным трудом! Разве она не достойна любви? Разве не достоин похвалы художник, запечатлевший ее и давший нам возможность видеть этот милый облик через много лет после ее смерти? — В том-то и беда, что смерть ее уже здесь, она царствует в этой картине. Ведь небо над головой Прачки —

это сгущение легких частиц, за которыми пустота, а земля под ее ногами — это вцепившиеся друг в друга элементы таблицы Менделеева. И нет у Прачки иного пути, чем разложиться на все эти частицы и элементы, и знал об этом Шарден, когда ее рисовал. Поэтому не живую Прачку видим мы на полотне, а давным-давно мертвую. А значит, и ни к чему лезть на рожон и возражать что-то профессору Мечникову.

Но вот происходит нечто, что можно условно назвать чудом, и у человека открывается иное зрение, и он начинает видеть мир не таким, как на картине Шардена, а, скажем, таким, как на росписи церковной стены. И он видит — не на картине, не на росписи, а наяву *небо открытым*, и видит, что открыто оно над головами тех, кто уверовал в свою абсолютную смерть, кто согласился признать себя живым трупом, и вот теперь носится туда-сюда, пока не придет в окончательное состояние. А под ногами их он, этот прозревший, видит *ад преисподний, приходящий в движение* ради того, что происходит на земле.

И оказывается, что за истекший период ничего не изменилось ни *на небе вверху*, ни *ниже земли* — всё до удивления похоже на то, как это было когда-то нарисовано на церковной стене. Один лишь земной мир выглядит по-иному, поэтому визитерам «снизу» приходится обзаводиться кепками, пиджаками, треснутыми пенсне и прочей дрянью, чтобы не слишком выделяться из общей массы.

Но вот он, прозревший, привыкает к этой многомерной картине, и тогда его взгляд начинает различать еще более удивительные вещи. Он всматривается в происходящее между небом и землей и видит, что все эти пиджаки и пенсне, трамваи и аэропланы, словом, все приметы времени, создающие его неповторимый облик, можно взять и смести в сторону, как никчемную кучу хлама. А то, что с трепетом обнажается при этом — да разве это не то же самое, что нарисовано на церковной стене? Все похоже, все, даже приземистая Лысая гора.

Таким дано было видеть мир Михаилу Булгакову в то самое время, когда наука — все на свете уже объяснившая и обещавшая все по-своему переиначить — торжествовала окончательную победу. Окончательную, но не бесповоротную.

Горе живущим на земле... ибо к вам сошел
дьявол в великой ярости, зная, что недолго
ему осталось.

Поначалу Булгаков создает сатиру на эту победоносную науку — повесть «Роковые яйца». Всё в этой повести великолепно: и очумелый профессор Персиков, похожий на рептилию, и бледный завистник ассистент Иванов, и большевик Рокк, расстриженный из комиссаров в хозяйственники. И то, как Рокк пытается при

помощи браунинга руководить научным процессом, и то, как сам Персиков звонит поминутно на «эту, как ее, Лубянку» с просьбой расстрелять всех тех, кто мешает ему работать. Мудрая повесть, и правдива ее горькая мораль: современная наука способна погубить и все вокруг, и самих творцов своих. Все это так, никто не посмеет сказать, что «Роковые яйца» бьют мимо цели. Однако наука не дрогнула.

И тогда Булгаков написал новую повесть о талантливых ученых и выдающихся научных открытиях — «Собачье сердце».

Формально ее можно расценить как произведение, посвященное новому этапу торжества науки: герою, профессору Преображенскому, удастся, в отличие от Персикова, совладать с взбунтовавшимся против него творением собственных рук. Но не стоит спешить с выводами на основе формальных признаков. Ведь в то же самое время, опять же формально, «Собачье сердце» — сатира, тому свидетель каждый, кто его читал. Следовательно, необходимо разобраться, торжествует ли в данном случае наука или подвергается осмеянию. А если не наука здесь осмеивается, то что же? Гоголевский вопрос — «Над чем смеетесь?» — оказывается тут необыкновенно уместным. Увы, еще более уместным оказывается тут гоголевский ответ — «Над собой смеетесь!» Да, над собой смеется читатель «Собачьего сердца», и не какой-то там абстрактный, произвольный читатель, но читатель образованный,

и хорошо образованный, осведомленный в новейших достижениях науки, уверовавший в нее до конца, в то, что она призвана заменить ему Господа Бога, отца и мать, стыд и совесть. Этот читатель — незримый герой, вынесенный за пределы текста — и служит главным объектом осмеяния в «Собачьем сердце». Это его дурачит и водит за нос автор, это он оказывается разоблаченным до такой степени, что вот уже видишь, как скальпель щекочет его голые ребра с коварным вопросом — не отыщутся ли здесь какие-нибудь признаки души?

Нет, читатель, как ты ни отнекивайся, как ни ссылайся на профессора Мечникова, душа у тебя все-таки есть. И именно на ее наличие делал Булгаков свой безошибочный расчет, иначе стал бы он вообще затеваться с «Собачьим сердцем», да и с любым другим произведением? Не зря же, раскрыв «Собачье сердце», ты сразу находишь, к кому прилепиться душой — вот он, герой, ученый, бесстрашный преобразователь природы. Его, Филиппа Преображенского, полюбишь ты как самого себя, и умилишься всем, что ему мило, и возненавидишь все, что ему враждебно, что мешает его победоносному движению вперед.

Но знай, читатель, не будет тебе в этой любви счастья, не добьешься ты взаимности от Ф. Ф. Преображенского, не полюбит он тебя никогда. Чтобы убедиться в этом, надо перечитать «Собачье сердце», перечитать очень внимательно, слово за словом, ибо написано оно

автором, который хорошо знает, что за каждое слово предстоит держать ответ, и поэтому не позволяет себе ничего не значащих, случайных слов.

Итак, приступим. Воплем Шарика — «О, гляньте на меня, я погибаю!» — открывается «Собачье сердце». И ты, читатель, идешь на этот зов и оказываешься внутри особого мира, сотворенного булгаковским словом, — будь поэтому внимателен к каждому слову! — и живущего по строгим законам. Хотя снаружи этот мир невелик — меньше пяти печатных листов, трудно будет тебе выбраться из него, и страшным покажется он тебе, хоть ты и много смеялся, читая «Собачье сердце» в первый раз, да и перечитывая, всякий раз засмеешься опять.

В самом деле, можно ли удержаться от смеха, слушая, как бездомный пес критикует советский общепит! А между тем, он осуществляет свое естественное право, ведь доказано — научно доказано! — что никакой души нет, есть только недолгий период физических ощущений (они же — мучения) между двумя черными безднами. Существа же, данные ощущения испытывающие, располагаются друг за другом на эволюционной лестнице (О, цепь величайшая от пса до Менделеева-химика! — *И. А. Борменталь*). И в какой-то момент эта лестница так плавно переходит в лестницу социальную, что уловить этот момент не так-то просто. Вот например, тот же Шарик из помойного пса становится домашней собакой крупного ученого.

Его пищевой рацион сразу же начинает играть такими красками и оттенками, которые и не снились мелкому служащему, вынужденному травиться в дешевой столовке. Смело можно сказать, что между Шариком и упомянутым служащим образовалась социальная пропасть. Следовательно, перед шариковым головокружительным вознесением между ними существовало известное равенство. И поскольку никакой души ни у того, ни у другого и вообще ни у кого нет, основным критерием отличия одного животного от другого (а также человека от человека) становится способ и качество питания. У Шарика с первой страницы «Собачьего сердца» есть веские основания быть недовольным своим питанием, равно как и всей своей судьбой. Ему явно не повезло. Ведь вполне бы мог он родиться от миссис Дарвин в культурнейшей Англии, а не — родился от неизвестной шавки в варварской России, да еще в период разрухи. Тяжело ему приходится. Да и не ему одному. Тем, кто соседствует с ним на эволюционно-социальной лестнице, тоже приходится несладко — голод, холод, неразбериха во всем. Время такое, что даже щи из вонючей солонины, что варят в Совете нормального питания, не каждому двуногому прямоходящему достаются. Иные из них, подобно четвероногим (собратьям? коллегам?), и в помойках роются, и там не всегда находят. Учти это обстоятельство, дорогой читатель, когда будешь смеяться, слушая, как пересотворенный Шариков тычет профессору Преображенскому: «Один

в восьми комнатах живет, а другой в помойке роется». Но Шарик-собака никому не тычет, он только стенает — голод, холод, бок кипятком ошпарен! — и, надо отдать ему должное, жалеет не одного себя. Он ведь стоит на нижней ступени великой лестницы, с достижениями науки не знаком, никто ему не объяснил, что души нет, вот он и дает себе волю — со-чувствует, со-страдает, что при отсутствии души и бессмысленно, и просто невозможно. Сам подыхать собрался, а всех ему жалко — и посетителей дешевой столовки, и машинисточку, которую утесняет подлец-любовник. Внимание! — не успела машинисточка всплыть в сознании Шарика, в его сбивчивом монологе, как вот уже она входит в подворотню и с взаимной жалостью обращается к несчастному псу: «...Чего ты скулишь, бедняжка? Кто тебя обидел?» Машинисточка **реализовалась**. Это только начало. В «Собачьем сердце» ни одно слово не пропадет зря. Все реализуется. И подлец-любовник, который возник в шариковом монологе-бреду с восклицанием: «Сколько ни накраду — все на женское тело, на раковые шейки, на Абрау-Дюрсо. Потому что наголодался я в молодости достаточно, а загробной жизни не существует», — он тоже будет реализован, только не скоро, запомни пока его, читатель, и слова его постарайся запомнить, потому что вскоре ты позабудешь обо всем на свете.

Читатель недоумевает. С какой стати я должен позабыть обо всем на свете? — В силу наличия у тебя этой

самой недоказанной души, ее способности со-страдать и со-чувствовать. Ведь прочитав первую страницу, ты уподобился Ромео, который до встречи с Джульеттой расточал свои чувства первой попавшейся Розалине. Ты увидел голодного пса с ошпаренным до костей боком, и тебе жалко его до слез. И когда богатый чудак поманит его куском колбасы и поведет за собой по Пречистенке, и дальше, дальше, мимо приличнейшего швейцара Федора, вверх по роскошной лестнице в свою неуплотненную квартиру, — ты будешь бесконечно благодарен Филиппу Филипповичу и счастлив так, как будто тебя самого, голодного, израненного, согрели, исцелили, обласкали. Неважно, что впоследствии тебе суждено возненавидеть Шарикова, вставшего поперек научного прогресса. Сейчас это не имеет никакого значения. Сейчас ты разомлел вместе с Шариком на ковровом узоре возле кожаного дивана, и все, что в ближайшие часы произойдет в этой великолепной квартире, будет воспринято вами обоими сквозь сладостную дремоту.

Очнись, читатель! Вспомни, что ты пере-читываешь «Собачье сердце». Конечно, ты опять увлечен ходом событий, ты вновь со-переживаешь (и так будет и при десятом, и при двадцатом прочтении, такова сила настоящего искусства), но ты уже обязан знать, что Шарик обманулся, что его, страдающего пса, привели сюда не из со-страдания, а для опытов. Кроме того, потрудись отметить, что Филипп Филиппович даже не увидел, что

у пса ошпарен бок, а заметившая это идеальная домработница Зина прониклась к нему отнюдь не жалостью, а отвращением — «Батюшки! До чего паршивый». Отметил? — Наблюдай дальше!

Кабинет Филиппа Филипповича — пес уже разобрался, что это крупный ученый, экспериментирующий в области омоложения путем пересадки половых желез, — начинают заполнять странные существа. Кто они с точки зрения эволюционной теории? — *Козлы и обезьяны!* — так сказал Шекспир устами своего Венецианского мавра, ибо в его веке этих бедных животных незаслуженно считали воплощением самого гнусного разврата. Но с тех пор прошло столько времени, науке открылись такие горизонты, что человечество стало шире смотреть на вещи. Если во времена Шекспира клиенты Филиппа Филипповича были козлами и обезьянами, то за истекший период они поднялись по эволюционно-социальной лестнице на такой верх, что иным двуногим их только в подзорную трубу и разглядывать. И вот доказательство — деньги! У них кучи денег — и у зеленоволосого развратника, смахивающего на черта, и у старой ведьмы в сверкающем колье, и у всех прочих. И деньги их плавно текут в карман белоснежного профессорского халата — вот ведь хитрый пес, заснул почти, а червонцы примечает. Наконец, его совсем сморило, и один из посетителей совершенно расплылся в его сознании, пес расслышал только голоса:

— Господа, — возмущенно кричал Филипп Филиппович, — нельзя же так. Нужно сдерживать себя. Сколько ей лет?

— Четырнадцать, профессор... Вы понимаете, огласка погубит меня.

Читатель, взглядишь в этого посетителя, ведь ты же не пес. И хотя «Собачье сердце» утверждает, что собаки тоже умеют читать, но Достоевского они все же не читают. Но ты-то его наверняка читал. И когда он показал тебе Свидригайлова, ты испытывал все, что положено — и отвращение, и стыд, и даже раскаяние, ведь не вынес же Свидригайлов собственной мерзости, застрелился. Этот не застрелится. Под другим небом он живет. Наука ему все объяснила, все позволила, от стыда освободила, и та же наука, в лице Филиппа Филипповича, поможет ему ликвидировать все нежелательные последствия. Да и ты, читатель, судя по всему, спокоен и не торопишься кого-то осуждать. Достоевский со своей совестью в книжном шкафу лежит, науку ты уважаешь, Филипп Филиппович тебе очень симпатичен. И в самом деле, человек даже прислуге своей не разрешает взять в рот моссельпромовскую колбасу! А как он изящно, с юмором отчитывает ее по этому поводу — заслушаешься:

— Взрослая девушка, а как ребенок тащишь в рот всякую гадость... Ни я, ни доктор Бор-

менталь не будем с тобой возиться, когда у тебя живот схватит...

А сколько раз «Зинуша», «детка»! А какой переполох поднимается, когда Шариков дважды пытается покушаться на ее добродетель (эпизод с червонцами и ночной визит)!

Но ясное дело, одним сюсюканьем с прислугой не завоюешь такого образованного читателя, как наш. А вот рассуждение Филиппа Филипповича о терроре — это уже аргумент посильнее.

— Как это вам удалось, Филипп Филиппович, подманить такого нервного пса? — спрашивает Борменталь.

И Преображенский отвечает:

— Лаской-с. Единственным способом, который возможен в обращении с живым существом.

(Вот откуда и «Зинуша», и «детка». Слышишь, читатель? Нет, ты не желаешь слышать, ты упиваешься речью Филиппа Филипповича.)

— Террором ничего поделать нельзя с животным, на какой бы ступени развития оно ни

стояло (!! — Е.С.). Это я утверждал, утверждаю и буду утверждать. Они напрасно думают, что террор им поможет. Нет-с, нет-с, не поможет, какой бы он ни был: белый, красный и даже коричневый. Террор совершенно парализует нервную систему.

И несколькими страницами позже:

— Драть никого нельзя. На человека и на животное можно воздействовать только внушением.

Да неужели посмеет интеллигентный человек что-нибудь возразить на эти слова? Золотые слова. И произнесены они необычайно вовремя. Перед самым явлением пациентов. Читатель уже настолько расположен к Филиппу Филипповичу, что готов оказать снисхождение всякому, кто включен в сферу его бытия, если он, этот всякий, конечно, не выступает в роли обидчика героя. (Обидчики появляются в следующей сцене.)

И в самом деле, визитеры Преображенского комичны, даже мерзковаты, если говорить начистоту, но онто здесь причем? Он врач, он помогает каждому, кто к нему обращается, он, между прочим, клятву Гиппократа давал. Он ведь не насильно превращает их в животных, вставляя им обезьяньи железы, они сами его об этом просят. Находясь на столь головокружительном

верху эволюционной лестницы (такие деньги! такие деньги!), можно позволить себе и опуститься на несколько ступенек. Средства, во всяком случае, позволяют. Но главное-то, главное — выигрывает наука (в лице Преображенского), наука движется вперед!

Правда, Шарик, лежа на ковре, отметит мысленно: «Похабная квартирка», — и тут же добавит: «Но до чего же хорошо!» Но ты, читатель, отныне выслушиваешь шариковы мнения только для того, чтобы посмеяться. Собака для тебя уже пройденный этап и по части эволюции, и по части симпатий. Ты, как принц Гамлет, «нашел себе магнит попритягательней». Пес, между прочим, в сочувствии больше не нуждается. Он устроен в прекрасной квартире, жрет в три горла, обласкан...

— Да его для опытов сюда привели!!!

Читатель высокомерно поднимает брови и парирует:

— Немалая честь для бездомного пса послужить прогрессу науки!

Вот до чего непостоянна человеческая душа — ведь ты же только что страдал вместе с ним в холодной подворотне! Поневоле прислушаешься к профессору Мечникову.

Но в сторону сантименты. Четверо обидчиков уже явились в кабинет Преображенского и требуют к себе самого пристального читательского внимания. Они представляются:

— Мы — новое домоуправление нашего дома... Я — Швондер, она — Вяземская, он — товарищ Пеструхин и Жаровкин.

Повествование вступает в новую, остро-драматическую фазу. Начинается борьба не на жизнь, а на смерть между ученым Ф. Ф. Преображенским и домкомом в лице его председателя Швондера. Последний желает принудить Преображенского разделить всеобщую кошмарную участь — стать жильцом коммунальной квартиры. Ученый отчаянно сопротивляется. В ходе их первого поединка читательская симпатия к Филиппу Филипповичу перерастает в иное чувство, горячее и сильное, в ту любовь, которой, как было сказано выше, суждено остаться без взаимности.

Во-первых, ничто так не усиливает любви, как тревога за дорогое существо, это отмечено у Овидия и у Ибн-Хазма. А у читателя есть все основания тревожиться за своего героя. Во-вторых, именно во время этой сцены читатель впервые узнает, что Филипп — не один из многих, пусть даже крупных ученых, а звезда первой величины. Подобное открытие никогда не охладит любовное чувство, а, напротив, подогреет его. И в-третьих, если верить Овидию и Ибн-Хазму, самый пламенный из всех видов любви — это любовь за проявленный героизм. И именно в этой сцене Филипп Филиппович совершает такой геройский поступок, что у читателя открывается рот и останавливается

сердце. Ученый заявляет, что он «не любит пролетариата». Заявляет прямо ИМ в лицо. Пускай ОНИ представлены здесь всего лишь членами домкома, но мы-то знаем, что за этим стоит, что олицетворяет этот домком, ведь художественное произведение, как-никак!

Верно говоришь, читатель, высокохудожественное, и заслуживает поэтому тщательного анализа, а не поверхностных эмоциональных оценок, которые суть не что иное, как паника и истерика. Вот, полюбуйся на своего героя — он совершенно спокоен; ты за него распереживался, а он твоих переживаний (и вообще твоих чувств) отнюдь не разделяет. Он-то хорошо видит, кто и что перед ним.

Пойдем с конца. Во-первых, Жаровкин. Посмотришь — вроде бы, фамилия как фамилия. А принимаешься — тушеной говядиной отдает. Затем Пеструхин. Пеструхами обычно коров зовут, но встречаются и куры того же прозвания. Во всяком случае, происхождение незваного гостя вполне прозрачно. Теперь Вяземская. Да не введет ее «человеческая» фамилия в заблуждение нашего вдумчивого читателя. Вяземская — это просто порода коров, ныне безвозвратно загубленная. Пеструхин и Вяземская, судя по некоторым авторским ремаркам, связаны нежными узами. Натурально, ведь из одного стада. Наконец, Швондер. Он хоть и прикрылся фигово-иностранными корнем и суффиксом, но от него так и несет и хвостом собачьим (шванц), и свинарни-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
(e-Univers.ru)